

Уменьшая амплитуду своих колебаний между Нижним Тагилом и Москвой до возвратно-поступательных движений резца по поверхности твердых пород, Наседкин преодолевает острием своего штриха сопротивление самшита, контролируя и направляя сиюминутное состояние материи, освобождаясь от лишнего, стремительно приближается к Форме. • Движение как форма существования Наседкина. • Форма как способ существования гравюры. • В гравюре форма появляется в результате отказа. • Импульс – преодоление – отказ сплетаются в ткань, записывая кардиограмму авторского состояния «здесь и теперь». Отказавшись от части себя самой, плоскость становится формой. • Урал для нас, жителей средней полосы, – всегда Восток. Это восточные традиции в русском искусстве. Тонкие градации, так ценимые мастерами японской гравюры Бокаши, явственны у Наседкина. Кроме того, он лучше других умеет крутить животом, цитирует Бхагавад-Гиту и свободно печатает акварели. Его стремление к перемене мест и его умение работать на природе заставляют абстрактные структуры его гравюр нести память о воде, песке и ветре. Причудливо переплетающиеся штрихи – след яблоневых садов – часто встречающийся мотив, любимый автором. • Непредсказуемые направления и траектории его движений по стране сворачиваются в точку на острие его штихеля, чтобы немедленно развернуться, сохраняя энергию пройденного. Искусство – умение. Нет гравера без ремесла. Наседкин, в отличие от многих современных художников, умеет пилить, полировать, точить и резать. Удаляя лишнее, он переписывает старые холсты, дорисовывает рисунки, пытаясь избавиться от последних островков тона, дорезает ксилографии до состояния, когда ничтожный остаток графических структур напоминает исчезающие границы перед мерцающей белизной. Раскраивая использованные цинковые, стальные и медные офортные доски, Наседкин снова производит иррациональные действия в рамках рациональности и конструирует настенные монтажи, повторяющие мотивы его ксилографий. Их плоскости по-разному впитывают свет, как по-разному впитывают краску разные зоны на печатной форме. Разные уровни и текстуры зеркальных поверхностей символизируют дефиницию гравера – движение в глубину и присутствие в двух модальностях: знаково-текстовой и материальной. Эти плоскости – от гравюр, так как их форма отличается от других художественных форм именно тем, что всегда готова стать оттиском. • Тибетский образ перед глазами. Огромные горы, встретившись с лучами восходящего солнца, разделили прилегающее плато на неравные части темного и светлого. Где-то вдалеке на их границе крошечная фигура смотрящего вниз Наседкина с объемным старорежимным фотоаппаратом в руках. Отпечатки пейзажа и солнца на земле. Я поддерживаю мнение о том, что мистические места и недоступные земли оставляют отклик-отпечаток в душах тех путешественников, кто готов их впитать, как бумага краску на наседкинских гравюрах, кому это необходимо, кто открыт. И Наседкин ловил эти тени своим сачком-объективом, поднимаясь по ступеням тибетских святынь, проходя по прямым пыльным тропинкам плато и по спиральям вокруг ступ. Бесконечность пейзажа грандиозного оверлепинга силуэтов гор рифмуется с бесконечными вариантами сочетаний света и тени на фотографиях художника. Тени Тибета настолько глубоки, что освещенные области – островки усиливают фактурные коды мест нашего пути. Шигатце, Тингри, Ямдрок, Лхаса. Тени – и на них через причудливый трафарет времени опускается коктейль из земли, песка и травы, замешанный Творцом и рассыпанный им непредсказуемо и аккуратно. Так монахи, медитируя, рисуют зыбкие картины на земле из ниспадающего песка. • Пауль Клее сказал, что «глаз совершает по произведению уготованный ему путь...». Наседкин в пути, он сам «главный двигатель». И любое его произведение – это Моментальный слепок, где запечатлен он сам, остановленный в своем движении. Неожиданные Маршруты цвета и формы на его структурных холстах – замерзшие Траектории, но только увиденные дальним рефлексивным зрением. Хотя, как любит напоминать сам автор, оптические и эстетические качества его композиции связаны непосредственными контактами с реальностью, но она (реальность) лишь катализирует ощущения художника и вызывает событие в его сознании, когда впечатления непосредственного восприятия превращаются в идею – скрытый эйдос. И этот новый мир, рожденный в недрах психики художника, прокладывает посредством красок и кистей маршруты цветов, тонов и форм на его холстах. • В молодости я восторгался замечательными наседкинскими рисунками яблоневых садов и его изысканными флористическими гравюрами. Неумолимая стрела времени стремится вперед, Володя упорно возвращает свой Сад, совершенствуется, изменяется, ищет, но при этом всегда остается настоящим Художником.

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин
И мнимое рву постоянство
И самосознание причин.

Из «Восьмистиший»
Осип Мандельштам

Александр Пономарев, художник